

Во время свирѣпствовавшей бури, 23 числа, шкуна потеряла два якоря, всѣ гребниа суда и столкнувшись съ купеческимъ трех-мачтовымъ и судномъ получивъ поврежденія въ корпусѣ и рангоутѣ, вошла въ Одесскую практическую гавань.

Занимавшая въ Севастополѣ брантвахтенный постъ шкуна «Опытъ», стоявшая на двухъ якоряхъ, въ 150 саженяхъ отъ Павловскаго мыса, выброшена въ Куриную балку на сѣверную сторону, на глубину у ахтеръ-штевня 8 и форъ-штевня 7 футъ. Значительныхъ поврежденій при этомъ не послѣдовало. Со стороны порта немедленно приступлено къ снятію шкуны съ мели.

Купеческихъ судовъ погибло: на Одесскомъ рейдѣ 5, близъ Одессы 1, близъ Евпаторіи 30. Экипажъ со всѣхъ судовъ спасенъ, но одинъ матросъ чрезъ часъ послѣ спасенія умеръ.

Хоккадаге въ Японіи, 31 января. «Ведите дневникъ, записывайте все, говорили мнѣ въ 1858 г. на прощаньи въ Петербургѣ. Событія тамошнія (въ Японіи) новы и интересны для всѣхъ» Записываю, записываю изо-дня въ день, да что-то толку вижу мало въ моемъ дневникѣ. Иное число занимаетъ страницу, половину и четверть, много интереснаго, много пзобличительнаго, смѣшнаго и даже драматическаго, словомъ, всячины всякой много, а говорить по дневнику гласно, печатно, приходится только или о здѣшней погодѣ, которая мучитъ насъ, или о японцахъ, этомъ жалкомъ народѣ въ зимнюю стужу. О томъ и другомъ было говорено мною.

Я переселился уже въ новую, назначенную для меня квартиру, въ новостроенномъ во дворѣ консульства небольшомъ домикѣ, раздѣленномъ на двѣ половины. Одна половина, изъ 4-хъ комнатъ, —квартира моя; другая—займетса училищемъ для японскихъ мальчиковъ. Секретарю консульства приказано—озаботиться скорѣе постановкою печей. Ученики мальчиш, какъ слышно было, уже назначены губернаторомъ, но чисто отдѣланныя комнаты училища заняты пока кантонистами и плотниками—японцами, дѣлающими мебель, оранжерей или парники и всякую мелочь, такъ что училище отложено на неопредѣленное время....

Однажды, въ концѣ ноября, въ очень холодный день, съ ранняго утра, слышу я дикій ревъ въ горахъ.—Что такое? спрашиваю я слугу, японца. — Сеннинъ (пустынникъ, подвижникъ, святой мужъ) трубитъ въ раковину.—Давай же чай и вели сѣдлатъ лошадей. Какъ не посмотреть, что такое пустынникъ, или святой мужъ въ Японіи. На звукъ раковины ѣду въ ближайшія горы; гляжу, человекъ; да что онъ сумасшедшій что ли? 3 или 4° холода, а онъ совершенно нагой: на головѣ какая-то плетушка, въ видѣ нептуновской коро-

ны, въ правой рукѣ большая на снуркѣ раковина, въ лѣвой, длинная палка съ погремущками; за плечами деревянный ящикъ, на ногахъ бумажные носки и зори (изъ рисовой соломы подметки). Подъѣзжая къ нему, говорю по японски: здравствуй, сенинъ! Въ-сто словъ заревѣла раковина, лошадь фырнула, испугалась и понесла. «Что же это, думаю я, наши пустынные ласково къ себѣ принимаютъ и отвѣчаютъ на вопросы, а этотъ? Видно попалъ я на подвижника-молчанку. Направо недалеко въ реветъ еще раковина, поѣду къ тому. Та же картина, только съ небольшою переменою: сенинъ сидитъ по японски въ сигу, передъ нимъ съ раскрытыми дверцами ящикъ, а внутри маленькій кумирь. Сенинъ нараспѣвъ читаетъ свои молитвы, гремитъ палкою и слегка трубить въ раковину. Завидѣвъ меня передъ собою онъ остановился въ молитвѣ, а можетъ быть и кончилъ ее, не знаю. — Здравствуй, сенинъ! сказалъ ему я. — Здравствуй, америка (*), отвѣчалъ онъ. — Сегодня хорошая погода, говорю, но холодно. — Какъ холодно? отвѣчаетъ онъ, посмотрѣвъ съ изумленіемъ на мою теплую курточку, сапоги и котиковую фуражку, — очень тепло. — А что это за ящикъ предъ тобою? — Камп-сама (божество). Камп-сама деревянная фигура человѣка, съ длинными ушами, руки сложены на груди, ладонь къ ладони, размалеванная по суздальски. Предъ нимъ тонкій прутикъ съ желѣзными деньгами, назади — маленькая чашечка съ рисомъ. — И я и Камп-сама, говоритъ пустынный, этимъ питаемся. — Камп-сама тоже ѣсть рисъ? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, смѣясь и доставая чашечку, — свою долю онъ уступаетъ мнѣ за то, что я ношу его. — Да много ли тутъ рису? Въ чашкѣ было не болѣе двухъ столовыхъ ложекъ. — Эта порція для насъ двоихъ на цѣлый день и больше ничего. Неподалеку раздакъ перекатный звукъ раковины, и мой говорунъ, не договоривъ слова, затрубилъ и началъ снова молиться. — Не мѣшаю ли тебѣ? спросилъ я, когда онъ кончилъ, по-видимому, свое моленье. — Нѣтъ! это старшій надо мною, не слыша звука раковины моей, спрашивалъ, гдѣ я. — Такъ, стало-быть, ты молишься здѣсь по приказу? — По принужденію, отвѣчалъ корчась и вздрагивая отъ холода пустынный. Жалко мнѣ стало его, и смѣшно казалось такое заказное моленье. Давъ ему *исю* (серебр. монета въ 12 коп.), я поѣхалъ домой. Чѣмъ погода холоднѣй, тѣмъ слышишь раковины; холодъ — раздолье для сениновъ. — Что ты продаешь? спросилъ я на возвратномъ пути по городу японца, несшаго на коромыслѣ чрезъ плечо двѣ полуведерныя кадочки и усердно горланившаго какія-то два слова. — Саке! (водку) отвѣчалъ

(*) Всѣхъ вообще европейцевъ японцы называютъ однимъ словомъ: «Америка»

онъ. Кромѣ продажи въ каждой почти лавкѣ, барышники носятъ водку и по улицамъ. Дешевизна неимоверная, штофъ русской мѣры стоитъ нсю и менѣе (8 коп. сер.). Водка добывается изъ рису, крѣпка, но неприятна на вкусъ и отзывается запахомъ соленыхъ огурцовъ; по русски выходитъ, «выцывка и закуска вмѣстѣ.» Саке, вообще, подраздѣляется на разныя наименованія, и большей или меньшей крѣпости, продается по разнымъ цѣнамъ, для Японіи довольно незначительнымъ. — Что, спросите вы, японцы охотно ее покупаютъ, пьянствуютъ?—Да, покупаютъ на двѣ и на 5 коп., но пьянаго японца вы на улицѣ не увидите; шуму, говору и драки — какъ у насъ на-Руси—не услышите. Японецъ пьяный, говорилъ мнѣ знакомый чиновникъ, «стыдится не только стороннихъ, но даже въ собственномъ домѣ своего семейства; японецъ напьется—его не слышать, русскій матросъ, американецъ или англичанинъ напьется, тотчасъ драться; ханъ хадъ варуй!» Чиновникъ отчасти правъ; въ лѣто 1859 года, живя у пристани, вдоволь наглядѣлся я кровавыхъ сценъ между пьяными европейскими матросами; смотришь, бывало, на этихъ людей, точно на дикихъ звѣрей: безъ драки, безъ побойща, безъ крови европейскому матросу и гульба не въ радость и съѣзжать на берегъ не зачѣмъ.

Въ декабрѣ и январѣ насталь здѣсь наконецъ дѣйствительный, фундаментальный холодъ. Пошли морозы отъ 5 до 9°; задули сильно порывистые вѣтры, зашумѣло море, посыпаль снѣгъ, заскрипѣли полозья саней европейскихъ, загучали подножныя скамеечки у японцевъ, завернулись они всѣ въ полосатые и травянные мантильи. Жалко, по истинѣ жалко смотрѣть на японцевъ въ зимнюю стужу: у одного голова обвязана тряпкою, у другаго на ногахъ въ родѣ сапогъ мѣшки изъ тростника; тотъ весь въ лохмотьяхъ, а этотъ въ излтанномъ холщевомъ халатѣ; рукъ не видать, онѣ отогрѣваются пока при тѣлѣ, лицо сине-багрово; дрожитъ бѣдняга, но схватываетъ тряпку съ головы и руки вытягиваетъ по колѣнамъ—чуть завидитъ впереди чиновника съ двумя саблями.—Зачѣмъ народъ не одѣвается въ Хакодате потеплѣй? спросилъ я моего знакомаго,—здѣсь много медвѣжьихъ и другихъ звѣриныхъ кожъ, пожалуй и ватное платье больше бы грѣло, нежели тряпки.—Не велитъ правительство; такъ ходятъ, говорятъ, на островѣ Ниппонъ.—Да вѣдь тамъ тепло, а здѣсь холодно?—Нельзя измѣнять въ Японіи какой-бы то ни было древній обычай—народъ зазнается, трудно послѣ совладать съ нимъ.

Перейдемъ теперь къ здѣшнимъ новостямъ: въ Едо выпущена новой формы, вмѣсто прежней большой, золотая маленькая монета: *кобанъ*. Всюмъ два таковыхъ *кобана* равны одному русскому полу-

имперіалу, а цѣнность каждаго изъ нихъ около двухъ рублей. Дешево золото въ Японіи, не знаю чистое ли это золото. Прежній *кобанъ*, имѣвшій ту же цѣнность (около 2-хъ р.) и по вѣсу равнявшійся почти полутора имперіаламъ, былъ дѣйствительно изъ чистаго золота; спекулянты смекнули о барышѣ и уѣхали уже въ Европу крѣзами.

Рассказываютъ, что прусское посольство, прибывъ въ Іедо на трехъ судахъ требуетъ отъ японскаго правительства заключенія трактата на торговлю Пруссіи съ Японіею. Японцы отказываютъ ему въ этомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ уже ведется торговое сношеніе съ пятью націями и болѣе сего имъ не нужно. Смѣкаетъ Японія, что друзей къ ней прибываетъ много. Интересно знать о развязкѣ этого дѣла, а добромъ оно, если только прусскій уполномоченный имѣетъ на такой неосновательный отвѣтъ инструкціи, не пахнетъ.

Въ Японіи народныя смуты дѣло обыкновенное. То люди извѣстнаго князя, по наущенію своего же владѣльца, возстаютъ противъ правительства, убиваютъ вельможъ, чиновниковъ, наконецъ регента, оекуна сіогуна; ихъ хватаютъ, варятъ въ котлахъ, имъ снимаютъ головы, порятъ брюхо. Народъ поглазѣлъ на все это, посмѣялся и забылъ. Въ настоящее время въ Іедо чисто разбой. Люди тоже какаго-то князя, человекъ болѣе трехъ-сотъ, какъ безумные, бѣгаютъ ночью по улицамъ, рубятъ и встрѣчнаго и поперечнаго. Разбойниковъ конечно хватаютъ и на другой же день—голова прочь, но для остальныхъ угроза эта ни почему.

Теперь нѣсколько словъ о русской азбуцѣ въ Японіи. Давно думалось мнѣ, что бы отъ бездѣлья сдѣлать здѣсь дѣльное. Собрать растенія—ботаниковъ между нами много; насѣкомыхъ—и по этой части есть охотники; ракушекъ—есть также знатоки; чучела готовить—не могу, тошнить до рвоты... къ тому же во всемъ этомъ нужно еще знаніе, умѣнье, должна быть наконецъ и цѣль—куда что сбыть послѣ... А что, если попытаюсь, думалъ я, составить на примѣръ русско-японскую азбуку, какъ это выдетъ? Принялся рисовать печатныя и рукописныя въ четырехъ видахъ буквы; трудно, скучно, а выходитъ не дурно. Начертивъ всѣ буквы и означивъ выговоръ ихъ по японски, показываю листки моимъ знакомымъ японцамъ; выговариваютъ почти правильно, каждый проситъ написать ему такую же азбуку. Вѣдь это чрезвычайно трудно, говорю, и для изученія русскаго языка одного букваря недостаточно; скажите лучше: есть ли въ Хакодате типографія?—Нѣтъ; всѣ книги печатаются въ Іедо и Кьё.—Какъ это дѣлается тамъ?—Сперва, говорятъ, рѣшцѣ вырѣзаютъ извѣстнаго сочиненія буквы на доскахъ; а съ

нихъ уже переводятся онѣ на бумагу.—Есть ли въ Хакодате рѣщикъ и печатальщикъ?—Печатальщикъ, хоть ледацій плѣнтай, есть, а рѣщика собственно книжнаго нѣтъ, а такой только, который рѣжетъ иногда фигурки въ храмы.—Поговорите ему, не возьмется ли онъ нарѣзать буквы русскія. Ну, Хакодате, думалъ я, ничего-то нѣтъ здѣсь порядочнаго. Слѣдовало бы бросить дѣло, но скучно—дѣлать нечего. Въ надеждѣ привести свое намѣреніе въ исполненіе уже въ Россіи, я составилъ полную русско-японскую азбуку, написавъ печатными буквами заглавный листъ, приложивъ къ нему два прежнихъ листка,—какъ вдругъ является мой знакомецъ съ рѣщикомъ. Повертѣвъ листки въ рукахъ, онъ взялся попробовать, и я отдалъ ему первый заглавный листъ. Нѣтъ моего рѣщика три дня, нѣтъ 5, на 8-й является.—Трудно, говорить, очень трудно; а ничего, берусь нарѣзать. Показываетъ доску и оттискъ на бумагѣ: буквы знакомы, слова—какъ нужно; есть ошибки, но ихъ поправить можно. На другой день является съ инструментами, сѣли за исправленіе и въ три дня доска исправлена какъ нельзя лучше. Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ о цѣнѣ, о срокѣ; по 4 бу съ листа и 8 дней на нарѣзку доски. Рубль 70 коп.—право недорого! Нарѣзалъ еще двѣ доски, а я между тѣмъ готовлю слѣдующіе листки, перевожу слова на японскій языкъ съ обозначеніемъ выговора ихъ японскими буквами; на 4-мъ и 5-мъ листахъ дѣлаю разъясненіе о словоудареніи, знакахъ препинанія, опредѣленіе, что такое буква, дѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и безгласныя; что такое склады.—Трудно, говорить рѣщикъ, не могу нарѣзать мелкихъ буквъ.—Да ты же нарѣзалъ, говорю, заглавный листъ, а тамъ буквы и мельче и сложнѣе?—Трудно, не могу, день и до 12 часовъ ночи сижу; жена бранить, дешево взялся работать.—Э, любезный, думаю; тагъ дѣлота въ цѣнѣ? ну сколько же ты хочешь?—5-ть бу съ доски!—Изволь, только продолжай дѣло. Схвативъ листовъ, побѣждалъ мой Джіукици порадовать свою жену о прибавкѣ 42 коп. Нарѣзавъ 6, 7 и 8-й листы, гдѣ идутъ уже склады съ примѣрами, упражненія въ чтеніи буквъ многосложныхъ, примѣры на э, ё, й и предлоги, Джіукици снова запѣлъ:—трудно, не могу, жена бранить, говорить дешево. Поздно, мой милый, думаю я, поздно схватился ты! къ окончанію азбуки слѣдуютъ только два листа о словочтеніи, рѣченіи и браткій разговоръ. Сколько же нужно?—7-мъ бу съ листа!—Работай; пдетъ! Джіукици тотчасъ же опустился на пятки, бухъ поклонъ въ землю.—Что жена твоя? спрашиваю его послѣ. Тотчасъ на пятки, голова къ полу, и нѣжно, чуть слышно шипитъ оттуда:—весьма благодарна, посылаетъ нижайшій поклонъ и желаетъ благополучія. Въ концѣ послѣдней доски я позволилъ ему вырѣзать имя его, съ

обозначеніемъ, что буквы нарѣзаны онъ. Обрадовался этому мой рѣшникъ, и доску послѣднюю нарѣзалъ почти безъ поправокъ, даже вырѣзалъ *генеральскій* цвѣтокъ (вишневый). Сказать правду, уходила его азбука: съ 6-й доски надѣлъ уже онъ на носъ уродливья японскія очки. При окончательномъ разсчетѣ я подарилъ ему, сверхъ договорной цѣны, 8-мъ бу. Затѣмъ я могу представить вамъ образцовый примѣръ японской лѣни, медленности, вялости въ печатальщикѣ Тайици (имя его); но право ни времени, ни чернилъ не стоитъ этотъ оберъ-лѣнтяй, хронометръ безпрестанныхъ отдыховъ, трубкакурений, чая-пнтій и къ тому же злой человекъ. Работа его—адская пытка всякому терпѣнію.

Къ новому японскому году изготовлено болѣе ста азбукъ, въ томъ числѣ двѣ на русской почтовой бумагѣ въ шолковомъ переплетѣ и одна на разноцвѣтной почтовой бумагѣ въ переплетѣ лучшей шелковой матеріи; всѣ три съ картинками. Первая двѣ подарены мною въ день новаго года (29 января) хакодатскимъ губернатору и вице-губернатору, а послѣдняя передана губернатору для поднесенія сіогуноу. Кромѣ сего предложено губернатору въ подарокъ отъ меня дѣтямъ: 100 экземпляровъ—хакодатскимъ и по сту экземпляровъ въ города: Іедо, Кье и Нагасаки. Губернаторъ и вице-губернаторъ остались чрезвычайно довольными подаркомъ и дивились особенно роскошной отдѣлкѣ азбуки для сіогуна; когда затѣмъ я сказалъ: Саюнора (прощайте), то первый, подавая мнѣ руку, прочелъ по азбукѣ: *просчайте*, а послѣдній, несмотря въ нее, при пожатіи руки, скоро и ясно отвѣчалъ: *до свиданія*. Вчера и сегодня роздано до 50-ти азбукъ приходившимъ ко мнѣ дѣтямъ и взрослымъ японцамъ.

Изъ Маховъ.

Аѳины, 20 декабря. Въ прошедшемъ письмѣ я вамъ говорилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Христопуло, представилъ въ палату, между прочимъ, и новый проэктъ закона о рекрутскомъ наборѣ и образованіи національной гвардіи. Проэктъ этотъ еще не утвержденъ нашимъ законодательнымъ корпусомъ, но онъ такъ важенъ для государства, что считаю не лишнимъ сообщить вамъ его содержаніе.

Наборъ производится конскрипціей и добровольнымъ вступленіемъ въ службу. Въ армію принимаются одни греческіе граждане; лишаются же этого права: 1) осужденные за уголовное преступленіе, и 2) осужденные за преступленіе, на основаніи ст. 22 уголовного кодекса и лишеныя судебнымъ приговоромъ права служить въ войскахъ, на все время, пока дѣится это лишеніе права.